

В. Д. КУЛЬБАКИН

ПЕРЕВОРОТ 1932 г. В ПРУССИИ И ЕГО ОСВЕЩЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ФРГ

Государственный переворот 20 июля 1932 г. в Пруссии не был какой-либо неожиданностью, и только правые лидеры СДПГ, пребывая в плену своей политики «терпимости» по отношению к реакционным правительствам Г. Брюнинга и Ф. Папена и концепции «меньшего зла» (якобы во избежание большего зла — прихода к власти Гитлера), не видели или не хотели видеть опасности, которая нависла над «прусской цитаделью» германской социал-демократии. Начиная с 1931 г., со времени Гарцбургской встречи представителей влиятельных кругов монополистического капитала, буржуазных националистов, генералитета и нацистов, реакционные силы страны предпринимали одну за другой попытки отстранить от власти веймарскую коалицию¹ в Пруссии, требовали назначения правительственного комиссара для этой земли и немедленной отставки правительства О. Брауна. Ликвидация веймарской коалиции и изгнание социал-демократов из прусского государственного аппарата, по замыслу реакционеров, должны были потрясти все социал-демократическое здание (профсоюзы и другие находившиеся под влиянием СДПГ массовые организации) и подготовить установление открытой диктатуры монополистической буржуазии. Вместе с тем организаторы переворота преследовали и другую цель: прибрать к рукам подчиненные социал-демократическому министру внутренних дел К. Зеверингу полицейские части Пруссии, которые по численности и вооружению являлись единственной силой, способной противостоять рейхсверу.

Планы реакции беспокоили рядовых членов СДПГ, но лидеры партии всячески успокаивали их, отвергая даже самую возможность государственного переворота. Руководитель социал-демократической фракции ландтага Э. Хейльман в связи со слухами о возможном назначении правительственного комиссара в Пруссии заявил: «Я категорически не согласен с мнением, что Гинденбург мог сделать что-либо подобное»². Когда О. Бухвиц и другие окружные функционеры СДПГ выразили беспокойство по этому поводу Зеверингу, тот обещал: «Будьте уверены, в час опасности я призову на помощь полицию, рейхсбаннер³ и должным образом вооружу рейхсбаннеровцев»⁴. Совсем иначе прозвучало его заявление 16 июля на заседании правления СДПГ, где он говорил, что поведение социал-демократов и прусского правительства должно определяться тем, «в каких формах произойдет введение указа о назначении правительственного комиссара: в предусмотренном конституцией порядке или К. Шлейхер⁵,

¹ В состав этой коалиции входили: христианская демократическая партия центра, государственная партия и СДПГ.

² «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 4. Berlin, 1966, S. 352.

³ *Рейхсбаннер* — военизированная организация, находившаяся под руководством СДПГ. Была создана в 1924 г. с целью защиты Веймарской республики от монархической реакции и фашизма, но нередко использовалась для борьбы против революционных рабочих.

⁴ O. B u c h w i t z. 50 Jahre Funktionär der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1958, S. 117.

⁵ *Генерал Курт Шлейхер* — военный министр в правительстве фон Папена.

почувствовав себя достаточно сильным, пойдет на нарушение предписаний конституции»⁶. Капитулянтством была пронизана и принятая 16 июля по этому поводу резолюция правления партии. Таким образом, уже тогда лидеры СДПГ считались с возможностью отстранения представителей их партии от власти и заботились лишь о соблюдении «законности» в духе буржуазной конституции. По существу они капитулировали перед правительством Папена еще до государственного переворота.

Для того чтобы не допустить самостоятельных выступлений масс, лидеры СДПГ опубликовали в своем центральном органе — газете «Vorwärts» передовую статью, в которой заявили, что не потерпят отмены конституции, и даже делали намек на возможность таких действий, которые будут подобны исходу путча Каппа в 1920 г.⁷ Многие рабочие поняли этот намек как готовность социал-демократов объявить всеобщую забастовку и в дальнейшем тщательно ждали сигнала к ней.

Тем временем Папен 18 июля издал указ о запрещении демонстраций, а пользовавшийся особым доверием монополистических кругов командующий войсками 3-го северо-западного военного округа генерал Г. фон Рунштедт привел подчиненные ему воинские части в состояние боевой готовности. Контрольным органам воздушного сообщения и городского транспорта Берлина было дано указание принять меры, исключавшие отъезд из столицы министров прусского правительства. Было установлено подслушивание телефонов Бюро Революционной профсоюзной оппозиции и производственных советов⁸. В тот же день Папен пригласил Зеверинга и министра социального обеспечения Гиртцифера, замещавшего Брауна на посту министр-президента Пруссии (Браун находился в отпуску по болезни), прибыть к нему 20 июля для обсуждения (как казалось Зеверингу) финансовых вопросов.

В действительности состоявшаяся беседа оказалась прелюдией к государственному перевороту. «Социалистическому правительству» было объявлено, что «общественную безопасность в Пруссии больше нельзя считать гарантированной»⁹. Зеверинг тщательно пытался опровергнуть это утверждение Папена. На его вопрос: «Согласитесь ли вы добровольно сложить ваши полномочия?» — Зеверинг ответил: «Я уступлю только насилью»¹⁰. Но эта громкая фраза была произнесена только для того, чтобы ввести в заблуждение рядовых членов СДПГ. О каком-либо обращении к народным массам, чтобы получить их поддержку или призвать их к борьбе против вопиющего нарушения конституции, министры-социал-демократы даже не помышляли. На экстренном заседании правления Всегерманского объединения профсоюзов (АДГБ) совместно с лидерами СДПГ, обсуждавшем политическое положение в Пруссии, также не было вынесено никакого решения.

В тот же день, 20 июля, президент Гинденбург, формально основываясь на § 1 и 2 ст. 48 конституции, отменил полномочия правительства социал-демократа Брауна и назначил Папена имперским комиссаром — главой чрезвычайной правительственной власти в Пруссии. В Берлине и Бранденбурге было объявлено осадное положение и введены ограничения свободы личности, собраний, прессы и союзов. Войска генерала фон Рунштедта заняли все важные стратегические пункты столицы. Была запрещена газета КПГ «Die Rote Fahne». Полиция приступила к массовым обыскам и арестам. На место социал-демократов были поставлены лица, известные своими пронацистскими симпатиями, в том числе советник Круппа Ф. Брахт, подавлявший в свое время революционное движение в Руре, К. Мельхер, состоявший до этого полицей-президентом Эссена, и другие¹¹. Затем были смещены со своих постов и другие министры — члены СДПГ, партии центра и государственной партии, а также многие высшие чиновники Пруссии. Это были в первую очередь социал-демократы и члены государственной партии, а в некоторых случаях и члены партии центра. Вместо них Папен назначил националистов или лиц, близких к нацистам. Не были отстранены от своих должностей лишь Г. Носке (обер-президент Ганновера) и К. Цергибель (по-

⁶ C. Severing. Mein Lebensweg, Bd. II. Köln, 1950, S. 347.

⁷ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 4, S. 585.

⁸ Ibid., S. 353.

⁹ C. Severing. Op. cit., S. 348.

¹⁰ Ibid., S. 349.

¹¹ Fr. Osterroth. Chronik der deutschen Sozialdemokratie. Hannover, 1935; S. 364; C. Severing. Op. cit., S. 352.

лицей-президент Дортмунда). И Носке, и Цергибель выступали в роли кровавых палачей немецкого рабочего класса — первый в 1919 г., а второй спустя 10 лет, в 1929 г.

В 4 часа дня новый министр внутренних дел Пруссии Брахт посетил Зеверинга и потребовал передачи ему дел. Зеверинг вновь повторил свою «историческую» фразу, заявив, что «в интересах Германии он подчинится, но уступит только силе»¹². Вот тут-то и была разыграна комедия с «насилием», для которой не потребовалось даже взвода солдат. Вечером, когда поредели толпы возмущенных правительственным произволом людей, собравшихся перед зданием министерства внутренних дел, а рабочие ушли с предприятий домой, в министерство вновь прибыл Брахт в сопровождении только что назначенного полицей-президента Мельхера и двух выделенных Рунштедтом офицеров. Мельхер потребовал освободить помещение. Зеверинг попросил предъявить ордер, что Мельхер и сделал. На этом акция «насилия» была закончена¹³. Вслед за тем были произведены и все другие предусмотренные планом государственного переворота замены. Кабинет Брауна был свергнут без единого выстрела, фактически без какого бы то ни было сопротивления, хотя в его распоряжении находились прусская полиция и сотни тысяч членов рейхсбаннера. Браун не нашел даже нужным прервать отпуск и вернуться в Берлин. Он ограничился посылкой письменных протестов Папену, на которые тот перестал отвечать, как только убедился в том, что устраненный глава правительства не намеревался предпринимать какие-либо другие меры.

Обращения бывших министров прусского правительства и фракций ландтага — социал-демократической партии и партии центра — в имперский суд в Лейпциге с «протестом» и «требованиями» ограничить права нового правительства¹⁴ носили сугубо формальный характер. Но и они были использованы для удержания масс от активных действий. Правление АДГБ заявило, например, в обращении 20 июля: «Еще не все потеряно в Пруссии. Еще не сказал свое слово имперский суд»¹⁵. Однако расчеты на буржуазный имперский суд, как и следовало ожидать, не оправдались. Его решение, последовавшее лишь в конце октября 1932 г., с одной стороны, констатировало, что прусское правительство не нарушало «своих обязанностей и долга», а, с другой, — отмечало, что президент имел право концентрировать в одних руках все средства власти для сохранения «безопасности и порядка». Для отвода глаз прусское правительство признавалось «номинально существующим», но «уступившим свои права и обязанности» имперскому комиссару¹⁶. Три месяца спустя после переворота все это звучало издевательски, ибо правительства Брауна тогда уже не было. Имперский суд фактически санкционировал государственный переворот.

Отстранение от власти в Пруссии правительства веймарской коалиции явилось очередным (после президентских выборов и выборов в прусский ландтаг 1932 г.) шагом на пути к установлению фашистской диктатуры. В условиях растущей революционной активности масс, усиления влияния и силы коммунистической партии, с одной стороны, и консолидации сил реакции и фашизма, — с другой, социал-демократия уже не представлялась господствующим кругам буржуазии достаточно надежным орудием их безраздельного господства. Правительство Брауна обвинялось буржуазной печатью и буржуазными деятелями и в неумении вести финансовые дела, и в плохой осведомленности о положении дел на местах, но в первую очередь в неприятии «более энергичных мер» против усиливавшегося революционного движения, против совместных выступлений социал-демократов и коммунистов¹⁷.

Последнее из этих «обвинений» представлялось лидерам СДПГ особенно обидным. Главный редактор газеты «Vorwärts» Ф. Штампфер в мемуарах писал по этому поводу: «Заявление Папена о том, что правительство (Брауна — Зеверинга. — В. К.) питало симпатии к коммунистам, было явной ложью»¹⁸. В таком же духе высказывались и

¹² Цит. по: «Neues Deutschland», 20.VII.1966.

¹³ E. L u d w i g. Hindenburg und die Sage von der Deutschen Republik. Amsterdam, 1935, S. 333—334; C. S e v e r i n g. Op. cit., S. 352.

¹⁴ «Sozialistische Parteikorrespondenz», Berlin, 1932, № 8/9, S. 432.

¹⁵ «Vorwärts», 20.VII.1932.

¹⁶ A. S c h w a r z. Die Weimarer Republik. Handbuch der deutschen Geschichte, Bd. IV, Abschnitt 3. Konstanz, 1958, S. 185, 186.

¹⁷ Deutsches Zentralarchiv Potsdam (DAZ-I), Akte 26/153, Bl. 25.

¹⁸ F r. S t a m p f e r. Die vierzehn Jahre der ersten deutschen Republik. Hamburg, 1953, S. 633.

другие правые социал-демократы. В этом они были правы. Руководство СДПГ на протяжении всего периода существования Веймарской республики выступало против единства действий рабочего класса, против единого фронта с коммунистами, и если в отдельных случаях и делало исключения (например, в 1929 г., во время кампании за безвозмездное отчуждение имущества князей), то всегда лишь в результате решительного вмешательства и нажима масс. Отказалось оно от совместных с КПП выступлений и 20 июля 1932 г. В этот день ЦК КПП обратился к руководству СДПГ, реформистских и христианских профсоюзов с предложением объявить всеобщую забастовку в знак протеста против государственного переворота и с требованием вернуть к власти в Пруссии социал-демократическое правительство, восстановить демократические свободы, распусить штурмовые и эсэсовские отряды¹⁹.

20 июля ЦК КПП опубликовал в экстренном выпуске «Die Rote Fahne» воззвание, в котором призывал рабочих готовить стачку²⁰. Аналогичные воззвания опубликовали также окружные руководства КПП. Воодушевление, с которым был встречен призыв компартии, свидетельствовало о том, что ее требования и предложения полностью отвечали настроениям широких народных масс. Многие рабочие-социал-демократы и члены профсоюзов на предприятиях, а также безработные были готовы к самым решительным действиям и только ждали сигнала. Даже «Vorwärts» вынуждена была признать, что в Берлине на собраниях социал-демократов «господствовало такое боевое, решительное настроение, какого давно не было за последнее время»²¹.

Не считаясь с настроениями масс, в страхе перед возможностью их революционного выступления руководство СДПГ поспешило заявить, что не хочет мешать проведению выборов в рейхстаг, намеченных на 31 июля. На государственный переворот оно рекомендовало ответить голосованием на выборах в рейхстаг. Только таким путем, заявляли они, «будет устранена опасность фашизма»²². Экстренный выпуск газеты «Vorwärts» и обычный ее вечерний выпуск 20 июля призывали рабочих отказаться от всеобщей забастовки и сосредоточить все внимание на подготовке к выборам в рейхстаг²³. Тем самым руководство СДПГ упустило последнюю реальную возможность противопоставить реакции единый рабочий фронт.

Пытаясь впоследствии обелить свои действия, лидеры СДПГ прибегали к различным уловкам, но никогда не говорили о действительной причине своей бездеятельности 20 июля — боязни вызвать решительные действия масс. Один из «потерпевших» — Зеверинг, объясняя в мемуарах происшедшее, в одном случае ссылался на «законную основу» государственного переворота, в другом — заявлял о «слабости прусской полиции». Руководители рейхсбаннера со своей стороны утверждали, что части этой массовой военизированной организации не могли быть использованы из-за отсутствия автомашин. Браун писал впоследствии: «О всеобщей забастовке не могло быть и речи в то время, когда в стране насчитывалось более 6 млн. безработных»²⁴. Таким образом, без каких-либо оснований он намекал на то, что они могли бы стать штрейкбрехерами. Столь же бездоказательным был и другой довод Брауна, который он назвал в мемуарах «неблагоприятным соотношением сил». Он утверждал, что, поскольку рабочие «не имели оружия», это привело бы их к тяжкому поражению. Желая запугать своих приверженцев перспективой «кровавой бойни», Браун заявлял, что на стороне имперского правительства выступят «тяжеловооруженный» рейхсвер и военизированные союзы реакции, а на стороне прусского правительства — лишь крайне ненадежная, плохо вооруженная полиция, которая по первой же команде «законно избранного президента» поддержит тех, кого он объявит нарушителями порядка и безопасности. Кроме того, утверждал Браун, вообще нельзя было выступать против указа президента, признанного лейпцигским судом соответствующим конституции²⁵. Точно так же оце-

¹⁹ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 4, S. 587.

²⁰ «Die antifaschistische Aktion. Dokumentation und Chronik. Mai 1932 bis Januar 1933». Berlin, 1965, S. 193—194.

²¹ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 4, S. 358.

²² Ibidem.

²³ S. Vietzke, H. Wohlgemut. Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung in der Zeit der Weimarer Republik. 1919—1933. Berlin, 1966, S. 276.

²⁴ O. Braun. Von Weimar zu Hitler. New York, 1940, S. 253.

²⁵ Ibid., S. 257, 409—410.

нивал обстановку Штампфер²⁶. Такие же «аргументы» выдвигал и Зеверинг²⁷. Все трое смешивали два вопроса — о вооруженном восстании и о всеобщей политической стачке. Если шансы на победу в вооруженном восстании могли им казаться неясными, то не могло быть никаких сомнений в наличии условий для победы всеобщей стачки. Возможность ее пугала реакцию. Об этом, в частности, свидетельствует беседа генерала Шлейхера с представителями командования рейхсвера в середине декабря 1932 г. Генералы признали тогда, что армия не справилась бы в июльские дни «с саботажем и пассивным сопротивлением»²⁸. Буржуазная газета «Berliner Börsen Zeitung» констатировала, что правительство больше всего беспокоил вопрос, объявят ли профсоюзы и социал-демократы всеобщую забастовку²⁹. Лидер немецких националистов А. Гунгенберг с удовлетворением писал 21 июля, что социал-демократия сдерживает своих людей, обнадеживает их выборами, и это радостно осознавать³⁰. «Во второй половине дня 20 июля, — с облегчением отмечал впоследствии Рунштедт, — я конфисковал большое количество коммунистических листовок, призывавших к забастовке, но, слава богу, социал-демократическая партия не примкнула к всеобщей забастовке, а, напротив, призывала к спокойствию и благоразумию»³¹.

Не была полностью бесперспективной и вооруженная борьба. К ней был готов рабочий класс. Силы полиции, имевшиеся в распоряжении Зеверинга, по численности намного превышали контингенты войск, находившихся в день переворота в Берлине. К тому же имперским правительством не были приняты меры к переброске войск из провинции. Сам Зеверинг признает, что «большая часть берлинской полиции была предана республиканскому правительству»³². Социал-демократический полицей-президент Берлина А. Гржезинский, вспоминая о событиях 20 июля, также отмечает, что «летом 1932 г. прусская полиция была еще безупречной и поддерживала правительство Брауна—Зеверинга»³³.

Отвергая единство действий с коммунистами, лидеры СДПГ тем самым сорвали создание единого антифашистского фронта, их капитуляция 20 июля была логическим продолжением политики уступок реакции, которую они осуществляли в течение всего периода Веймарской республики. Пожалуй, самой главной причиной этого явилась их боязнь быть обвиненными буржуазией в союзе выступать в едином фронте с Коммунистической партией Германии. Вот почему в дни июльских событий социал-демократическая пресса резко усилила антикоммунистическую пропаганду. Утверждалось, в частности, что коммунисты своими критическими выступлениями в адрес правительства Брауна — Зеверинга якобы дали повод центральному правительству признать его неспособным «обеспечить в Пруссии спокойствие и порядок»³⁴.

Верную оценку событиям, связанным с государственным переворотом 1932 г., дала КПГ. «Германия, — отмечал руководитель немецких коммунистов Э. Тельман в июле 1932 г., — с 20 июля вступила в период непосредственной подготовки фашистской диктатуры»³⁵. Жизнь подтвердила правильность выводов партии. Именно поэтому некоторые социал-демократические и буржуазные историки вынуждены считать с этим и вносить некоторые коррективы в интерпретацию событий, столь тенденциозно освещаемых в мемуарах социал-демократических авторов и в книгах западногерманских историков, основывающихся на этих мемуарах³⁶.

²⁶ Fr. S t a m p f e r. Op. cit., S. 631.

²⁷ C. S e v e r i n g. Op. cit., S. 354.

²⁸ «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte». Stuttgart, 1954, Н. 4, S. 427.

²⁹ «Berliner Börsen Zeitung», 21.VII.1932.

³⁰ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 3, S. 358.

³¹ Цит. по: «Neues Deutschland», 20.VII.1966.

³² C. S e v e r i n g. Op. cit., S. 347.

³³ «Neuer Weg», 1953, № 5, S. 9.

³⁴ «Sozialistische Monatshefte», 1932, Н. 8, S. 657.

³⁵ «Die Internationale», Berlin, 1932, № 7/8, S. 322.

³⁶ К числу таких книг относится работа О. К. Флехтгейма, в которой автор утверждает, что обращение ЦК КПГ 20 июля к правлениям СДПГ и АДГ было лишь «маневром» и что призыв к всеобщей забастовке будто не получил бы положительного отклика среди рабочих. — О. К. F l e c h t h e i m. Die Kommunistische Partei Deutschlands in der Weimarer Republik. Offenbach, 1948, S. 172, 178. Из работ, вышедших позднее, характерна книга К. Г. Дедерке, в которой автор в полном противоречии с некоторыми своими трезвыми выводами подвергает сомнению возможность успешного сопротивления реакции — К. Н. D e d e r k e. Reich und Republik Deutschland.

Особого внимания в этой связи заслуживает книга одного из членов правительства Брауна, министра финансов К. Клеппнера, который пишет, что многие из противников нацизма, в том числе он сам, министр социального обеспечения Гиртцифер и некоторые другие члены прусского правительства, были сторонниками решительного сопротивления проискам реакции. Было согласовано, сообщает Клеппнер (имея в виду находившихся в оппозиции к Брауну — Зеверингу членов кабинета), что в случае перехода реакции в наступление и введения чрезвычайного положения в Пруссии рейхсбаннер будет объявлен вспомогательной полицией и соответственно вооружен, Гинденбург по возможности тактично нейтрализован, а члены имперского правительства и главари национал-социалистов арестованы³⁷. Этот план, по заключению Клеппнера, был вполне реальным, поскольку полиция и рейхсбаннер были готовы выполнить любой приказ правительства.

Столь же определенно Клеппнер отвергает версию Зеверинга, согласно которой Пруссия, если бы она вступила в борьбу с правительством Папена, осталась бы один на один со всей мощью рейха и не получила бы поддержки других германских земель. Клеппнер напоминает в этой связи о встрече представителей прусского правительства с министр-президентами Баварии и Бадена, во время которой перед ними был поставлен вопрос: можно ли рассчитывать на их поддержку в случае столкновения Пруссии с имперским правительством? Ответ был дан утвердительный. Не имея возможности отрицать этот факт, Зеверинг в своих мемуарах отговорился тем, что не принимал участия в указанной беседе и поэтому не знал, намеревались ли южногерманские земли поддерживать Пруссию³⁸.

Ценные уточнения при описании обстановки лета 1932 г. дают некоторые социал-демократические или близко стоящие к СДПГ западногерманские историки. К их числу относятся профессор Марбургского университета Э. Маттиас и автор ряда трудов о германской социал-демократии В. Абендрот. Первый, основываясь на источниках, пишет, что трудовой Берлин уже вскоре после получения известия о государственном перевороте был готов к самой решительной борьбе. Улицы были запружены людьми, приветствовавшими друг друга поднятым вверх сжатым кулаком — приветствием запрещенного Зеверингом Союза красных фронтовиков. Подразделения рейхсбаннера находились в состоянии полной боевой готовности и только ожидали приказа. Его ударные отряды по собственной инициативе заняли позиции вокруг прусского министерства внутренних дел и зданий берлинского радио, чтобы в случае необходимости выполнить любой приказ правительства. Рабочие электростанции, газового хозяйства, водоснабжения и других предприятий столицы ожидали объявления всеобщей забастовки³⁹. Абендрот критикует тогдашних вождей СДПГ за терпимость к чрезвычайным законам, за «страусовую политику» по отношению к растущей фашистской опасности. Осуждая правление СДПГ за срыв установления единого фронта с КПГ 20 июля 1932 г., автор подчеркивает, что лишь единство действий рабочих независимо от их политических убеждений и партийной принадлежности могло бы стать реальной препоной продвижению фашизма к власти⁴⁰.

1917—1933. Stuttgart, 1969, S. 250. Некоторые другие историки, выражающие взгляды правых кругов СДПГ, прибегают к умолчанию. К числу работ таких историков относится книга В. Эйхлера, в которой отсутствует даже простое упоминание о государственном перевороте в Пруссии.— W. E i c h l e r. Hundert Jahre Sozialdemokratie. Bonn, 1963. Так же поступает и другой социал-демократический автор — К. Андерс.— K. A n d e r s. Die ersten Hundert Jahre. Zur Geschichte einer demokratischen Partei. Hannover, 1963.

³⁷ К. Клеппнер. Das Ende der Republik.— «Die Gegenwart», 1947, № 42/43, S. 22—23.

³⁸ C. Seve ring. Op. cit., S. 352. Учитывая позицию южных земель Германии, Папен поспешил объявить, что имперские комиссары в другие земли не будут назначены, а чрезвычайное положение в Пруссии вскоре будет отменено. Это заявление при отсутствии решительных действий со стороны прусского правительства не могло не сказаться на позиции министр-президентов Баварии и Бадена.— W. H u b a t s c h. Hindenburg und der Staat. Berlin — Frankfurt a. M.—Zürich, 1960, S. 133.

³⁹ E. M a t t h i a s, R. M o r s e y. Das Ende der Parteien 1933. Düsseldorf, 1960, S. 240.

⁴⁰ W. A b e n d r o t h. Aufstieg und Krise der deutschen Sozialdemokratie. Frankfurt a. M., 1964, S. 66, 67.

Правых лидеров СДПГ критикует и западногерманский историк Ф. Фриденсбург. «Германия и весь мир, — пишет он, — были бы, очевидно, избавлены от неслыханных бедствий, причиненных фашизмом, если бы Зеверинг не подчинился государственному перевороту без борьбы». Объясняя причину капитулянтства последнего и его единомышленников, Фриденсбург считает, что «для Зеверинга было, по-видимому, ясно, что коммунистическая волна, которую он в течение последних лет не считал серьезной опасностью, могла бы гигантски возрасти в случае, если бы массы последовали лозунгу вооруженного выступления». Таким образом, здесь на первый план выдвигается главная причина описанного выше поведения правых лидеров СДПГ в дни государственного переворота: боязнь массовых выступлений грядущихся, страх перед неизбежным в случае этих выступлений ростом влияния КПП. Не менее примечателен и другой вывод Фриденсбурга. По его словам, «твердая позиция» Зеверинга не запугала Папена, ибо он знал, что прусское правительство «не прибегнет к крайним мерам»⁴¹.

Подробному анализу подвергает события июля 1932 г. либеральный буржуазный историк К. Д. Брахер. Он критикует позицию социал-демократических правителей Пруссии, не предпринявших, по его мнению, никаких реальных мер к предотвращению намечавшегося государственного переворота⁴². Когда Клеппнер узнал о подготовке переворота 19 июля и сообщил об этом другим министрам, Зеверинг, по словам Брахера, отрицательно отнесся к предложению Клеппнера «принять решительные контрмеры». Клеппнера поддержали другие министры, а также полицей-президент Берлина Гржезинский. Ссылаясь на Я. Диля, Брахер пишет, что Гржезинский, министралиаль-директор Клаузенер и командующий прусской полицией Геймансберг предлагали объявить всеобщую забастовку, арестовать имперское правительство и президента, развернуть борьбу «всеми средствами»⁴³. Позиция Гржезинского, пользовавшегося влиянием среди прусской полиции, вызвала особое беспокойство Зеверинга. Он пригрозил отставкой социал-демократическому полицей-президенту, если тот будет настаивать на вводе в действие полиции.

Отсутствие каких-либо приготовлений к отпору реакции, по заключению Брахера, и привело к тому, что ко времени государственного переворота в Пруссии сложилось неблагоприятное для сторонников Веймарской конституции соотношение сил. Оставаясь антикоммунистом, Брахер, однако, признает, что на стороне прусского правительства могли выступить и были готовы к самым решительным действиям не только прусская полиция, но и многие приверженцы всех партий веймарской коалиции, рейхсбаннера и АДГБ. Как и Фриденсбург, он придерживается мнения, что Папен и Шлейхер, идя на государственный переворот в Пруссии, не принимали в расчет возможность возникновения гражданской войны, так как были уверены в том, что руководство СДПГ не решится встать на путь вооруженного сопротивления⁴⁴.

Характерны выводы и другого западногерманского историка буржуазно-либерального направления, профессора истории и теологии высшей школы в Фрейзинге А. Шварца. Всеобщая забастовка, по его мнению, представляла собой единственную возможность помешать приходу Гитлера к власти. «Забастовка, — пишет он, — в свою очередь могла бы стать исходным моментом для народного восстания. Только так можно было воспрепятствовать свободе действий смертельного врага демократии»⁴⁵. Шварц считает, что СДПГ недооценила фашистскую опасность. Разумеется, он умалчивает об антикоммунизме — главном препятствии на пути развертывания массовой антифашистской борьбы. Сходную позицию занимает и западногерманский историк, член СДПГ Х. Гребинг. Критикуя руководство партии за выдвижение лозунгов, удерживавших массы от борьбы в дни государственного переворота, она подчеркивает, что это нанесло социал-демократии непоправимый вред⁴⁶.

⁴¹ F. F r i e d e n s b u r g. Die Weimarer Republik. Hannover — Frankfurt a. M., 1957, S. 153.

⁴² K. D. B r a c h e r. Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart — Düsseldorf, 1955, S. 582.

⁴³ Ibid., S. 596.

⁴⁴ Ibid., S. 582—583, 589, 592—593, 596, 597.

⁴⁵ A. S c h w a r z. Op. cit., S. 186; K. H a f e n k o r n. Das Ende der Weimarer Republik in der westdeutschen Geschichtsschreibung. — «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1965, H. 6, S. 1070—1071.

⁴⁶ H. G r e b i n g. Geschichte der deutschen Parteien. Wiesbaden, 1963, S. 158.

Таковы мнения ряда западногерманских авторов, отвергающих рассмотренные выше версии правых лидеров СДПГ о событиях, связанных с государственным переворотом в Пруссии. Последний явился тяжелым поражением веймарской коалиции, особенно СДПГ, нанесшим большой вред германскому рабочему классу и другим демократическим силам страны, ухудшившим позиции антифашистов и приблизившим установление фашистской диктатуры. «Государственный переворот в Пруссии, — как отмечал видный деятель КПП Э. Шнеллер, — фактически отменил Веймарскую республику»⁴⁷. Отказ социал-демократического руководства от борьбы за свержение правительства Папена, открыто стремившегося к ликвидации парламентской системы и буржуазно-демократической конституции, сыграл в событиях июля 1932 г. роковую роль. Капитуляция лидеров СДПГ 20 июля 1932 г. явилась первым актом их капитуляции 30 января 1933 г. К такому заключению пришли не только историки-марксисты; к нему вынуждены склоняться и некоторые западногерманские буржуазные и социал-демократические историки.

---

⁴⁷ «Verhandlungen des Reichstags», Bd. 455. Berlin, 1933, S. 24